

Пролог

— Я принял решение относительно будущего Дейзи, — объявил Томас Боумен жене и дочери. — И хотя Боумены не любят признавать поражения, приходится считаться с реальностью.

— И какова эта реальность, папа? — спросила Дейзи.

— Ты не создана для британского высшего света. — Нахмурившись, отец добавил: — Или высший свет не для тебя. От твоих поисков мужа у меня одни убытки. Ты понимаешь, что это значит, Дейзи?

— Я не оправдала ожиданий? — высказала предположение дочь.

Дейзи никак не выглядела на свои двадцать два года. Черноволосая, маленькая, стройная, она была по-детски живой, порывистой и непосредственной. Другие девушки к ее возрасту уже превращались в рассудительных молодых дам. Забравшись с ногами на диван, Дейзи сейчас походила на забытую в углу фарфоровую куклу. Боумена раздражало, что дочь держит на коленях книгу, заложив пальцем страницу. Дейзи явно ждала, когда отец закончит нотацию, чтобы продолжить чтение.

— Убери книгу.

— Да, папа.

Украдкой посмотрев номер страницы, Дейзи отложила книгу в сторону. Этот жест задел Боумена. Книги, книги... Печальное зрелище для человека, которому приходится признать неудачу дочери на ярмарке невест.

Попыхивая внушительной сигарой, Боумен сидел в мягком кресле в гостиничном номере, который семья снимала уже больше двух лет. Его жена Мерседес устроилась рядом, на плетеном стуле с высокой спинкой. Боумен, дородный, крепкий мужчина, фигурой напоминал бочку. Он был лыс, но обладал роскошными усами, такими пышными, словно все волосы сосредоточились на верхней губе.

Мать Дейзи в невестах была необычайно стройной девушкой. С годами она становилась все тоньше, так со временем тает кусочек мыла. Ее блестящие черные волосы всегда строго зачесаны назад, манжеты рукавов туго обтягивают запястья, столь тонкие, что казалось, их можно переломить, как березовый прутик. Внешне спокойная, она была сгустком нервной энергии.

Боумен никогда не жалел, что выбрал в жены Мерседес. Ее устремления полностью совпадали с его собственными амбициями. Она неуклонно стремилась к поставленной цели и посвятила себя тому, чтобы Боумены заняли достойное место в обществе. Это Мерседес настояла на том, чтобы привезти дочерей в Британию, поскольку девочки не могли пробиться в высший свет Нью-Йорка. «Мы шагнем через головы», — решительно сказала Мерседес. Так и вышло, старшая дочь добилась успеха.

Лилиан сумела-таки подцепить лорда Уэстклифа, обладателя огромного состояния и одного из старейших титулов королевства. Граф стал прекрасным приобретением для семьи. Но Боумену не терпелось вернуться в Америку, к своему мыловаренному производству. Если бы и Дейзи могла прибрать к рукам

титулованного мужа, это бы уже произошло. Пора сокращать убытки.

Размышляя о своих пятерых детях, Боумен удивлялся, почему они так мало похожи на него. Он и Мерседес деятельные, целеустремленные, а все три сына вялые, флегматичные, довольные жизнью и совершенно уверенные в том, что все само упадет им в руки, как спелый плод. Дочь Лилиан, похоже, единственная унаследовала немного воинственного духа родителей... но она женщина, и от ее энергичного нрава для семейного дела нет никакой пользы.

А теперь еще Дейзи. Из всех своих детей Боумен понимал ее меньше всего. Даже в детстве она не делала правильных выводов из его рассказов и постоянно задавала не относящиеся к делу вопросы. Когда он объяснял, почему инвесторам, стремящимся сократить риски и увеличить доходы, следует вкладывать средства в государственные долговые облигации, Дейзи перебивала его:

— Папочка, вот было бы здорово, если бы колибри устроили бал, а мы были бы такие маленькие, что нас пригласили, правда?

Дейзи долгие годы доблестно сопротивлялась усилиям отца перевоспитать ее. Она нравилась себе такой, какой была, и попытки изменить ее были равносильны намерениям собрать вместе порхающих бабочек или прибить желе к дереву.

Поскольку непредсказуемая натура дочери порой доводила Боумена почти до безумия, он несколько не удивлялся отсутствию мужчин, желающих связать с ней судьбу. Какой Дейзи будет матерью, если станет рассказывать детям про фей, скатывающихся с радуги,

как с горки, вместо того чтобы вдавливать им в головы прописные истины?

В разговор вступила Мерседес, сказав:

— Дорогой, до окончания сезона еще далеко. Я считаю, что Дейзи делает большие успехи. Лорд Уэстклиф представил ей нескольких многообещающих джентльменов, которые чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы породниться с графом, — произнесла она дрогнувшим от напряжения голосом.

— Как я понимаю, все эти «многообещающие джентльмены» видят главный соблазн в том, чтобы стать свояком графу, а не взять в жены Дейзи. — Боумен пристально взглянул на дочь: — Кто-нибудь из них собирается сделать тебе предложение?

— Откуда она знает? — опередила дочь Мерседес.

— Женщины всегда это знают. Отвечай, Дейзи, есть возможность отвести кого-нибудь из этих джентльменов к алтарю?

Девушка заколебалась, в чуть раскосых темных глазах появилась озабоченность.

— Нет, папа, — наконец честно призналась она.

— Так я и думал. — Сплетя пальцы на солидном брюшке, Боумен властно посмотрел на притихших женщин. — Твои неудачи становятся обременительными, дочка. Я имею в виду дорогие платья и прочие безделушки. Мне надоело возить тебя с одного бесполезного бала на другой. Больше того, эта рискованная затея держит меня в Англии, когда мне необходимо быть в Нью-Йорке. Поэтому я решил сам выбрать тебе мужа.

— Кто у тебя на уме, папа? — безразлично посмотрела на него Дейзи.

— Мэтью Свифт.

Дейзи смотрела на отца так, будто тот сошел с ума. Мерседес судорожно вздохнула.

— Это бессмысленно, Боумен! Это невозможно! От такого брака ни нам, ни Дейзи никакой выгоды. Мистер Свифт не аристократ и не богач...

— Он из бостонских Свифтов, — возразил Боумен. — Вряд ли кто-нибудь сможет задирать перед ними нос. С ним к нам в семью войдут хорошее имя и хорошая кровь. Еще важнее то, что Свифт предан мне. Он один из самых блестящих умов, что я встречал в деловом мире. Я хочу, чтобы он стал мне зятем. И унаследовал мою компанию, когда придет время.

— У тебя есть трое сыновей, которые получают компанию в наследство по праву рождения, — возмутилась жена.

— Бизнес их совершенно не интересует. У них нет к этому склонности. — Подумав о Мэтью Свифте, который десять лет развивался под его руководством, Боумен почувствовал прилив гордости. Мальчишка больше походил на него, чем собственные отпрыски. — Ни у одного из них нет амбиций, целеустремленности и негибкости Свифта, — продолжил он. — Я сделаю его отцом моих наследников.

— Да ты совсем разум потерял! — пылко воскликнула Мерседес, забыв об этикете.

Спокойный тон Дейзи утихомирил угрозы отца.

— Я хочу напомнить, что в этом деле понадобится и мое участие. Особенно тогда, когда дело коснется наследников. Уверяю вас, никакая сила не заставит меня завести детей с человеком, который мне не нравится.

— А я-то думал, что ты наконец захочешь принести хоть какую-нибудь пользу, — проворчал Боумен. —

Выйдешь замуж, заведешь собственный дом и прекратишь вести паразитическое существование.

Дейзи вздрогнула, как от пощечины.

— Я не паразит.

— Да? Тогда объясни мне, какая миру польза от твоего существования? Ты хоть для кого-то что-нибудь сделала?

Дейзи, окаменев, смотрела на отца. Как оправдать собственное существование?

— Вот тебе мой ультиматум, — произнес Боумен. — Или ты до конца мая найдешь себе подходящего мужа, или я выдам тебя за Свифта.

Глава 1

— Не надо бы рассказывать об этом, — в тот же вечер сетовала Дейзи, меряя шагами гостиную в Марсден-Террас, лондонской резиденции Уэстклифа. — Нельзя расстраивать тебя в твоём положении, но я не могу держать это в себе, иначе я просто взорвусь, а это огорчит тебя ещё больше.

Лириан, её старшая сестра, подняла голову с сильного плеча мужа.

— Расскажи, — сказала Лириан, морщась от нового приступа тошноты. — Я расстраиваюсь только тогда, когда от меня что-то скрывают.

Она полулежала на диване. Обняв жену одной рукой, Уэстклиф с ложечки поил её лимонным соком с мелко наколотым льдом. Лириан прикрыла глаза, ресницы темным полумесяцем легли на бледные щеки.

— Лучше? — мягко спросил он, стирая капельки с уголков её губ.

Лириан кивнула, её лицо было мертвенно-бледным.

— Да, думаю, это поможет. Ох, моли Бога, Уэстклиф, чтобы родился мальчик. Это твой единственный шанс получить наследника. Я больше никогда не...

— Открой ротик, — сказал Уэстклиф и снова сунул ей в рот ложку.

В другое время Дейзи бы растрогала эта семейная сцена. Лириан редко видели столь беззащитной, а Маркуса таким нежным и заботливым. Но сейчас Дейзи была так поглощена собственными проблемами, что едва замечала трогательные взаимоотношения супругов.

— Папа поставил мне ультиматум, — выпалила она. — Сегодня он...

— Подождите, — остановил ее Уэстклиф, занявшись женой.

Он помог Лилиан лечь, она сильнее прижалась к нему, положив изящную белую руку на выпуклый живот. Уэстклиф прошептал что-то неразборчивое, почти касаясь губами ее разметавшихся черных волос, и Лилиан со вздохом кивнула.

Случайный свидетель этой нежной заботы решил бы, что Уэстклиф полностью переменялся. Граф всегда отличался холодным нравом. Теперь он улыбался, порой даже смеялся и перестал быть суровым ревнителем строгих правил этикета. Для человека, породнившегося с Лилиан и Дейзи, последнее просто необходимо.

Прищуриив карие глаза, такие темные, что иногда они казались черными, Уэстклиф взглянул на Дейзи. Хотя он не произнес ни слова, она прочитала в его взгляде стремление оградить жену от всех и вся, не позволить нарушить ее покой.

Дейзи вдруг устыдилась, что пришла жаловаться на несправедливое решение отца. Нужно было держать свои проблемы при себе, а она прибежала к старшей сестре, как обиженный ребенок. Но когда карие глаза Лилиан открылись, в них было столько тепла. Улыбка светилась в них праздничными огоньками от воспоминаний детства. Близость и привязанность сестер не мог поколебать даже самый заботливый муж.

— Расскажи мне, что сказал этот дракон, наш папочка? — Лилиан уютно устроилась рядом с Уэстклифом.

— Если я до конца мая не найду себе жениха, он выдаст меня замуж по своему выбору. Угадай, за кого? Ну угадай!

— Представить себе не могу, — ответила Лилиан. — Папе никто не нравится.

— А вот и ошибаешься, — запальчиво сказала Дейзи. — В мире есть один человек, которого папа полностью одобряет.

Теперь даже Уэстклиф заинтересовался:

— Я с ним знаком?

— Скоро познакомитесь, — ответила Дейзи, — папа за ним послал. Он прибудет в Гемпшир на следующей неделе поохотиться на оленей.

Уэстклиф рылся в памяти, пытаясь вспомнить, кого Томас Боумен просил его пригласить на весеннюю охоту.

— Он американец? Это мистер Свифт? — спросил Уэстклиф.

— Да.

Лилиан безучастно посмотрела на сестру, потом со сдавленным стоном уткнулась в плечо мужа. Сначала Дейзи испугалась, что сестра плачет, но скоро стало понятно, что Лилиан не может удержаться от смеха.

— Нет... не может быть... какой абсурд... ты никогда...

— Если бы тебе предложили выйти за него замуж, ты бы так не смеялась, — нахмурилась Дейзи.

Уэстклиф переводил взгляд с одной сестры на другую.

— А что плохого в этом мистере Свифте? Судя по тому, что именно на него пал выбор вашего отца, он вполне приличный человек.

— В нем все плохо, — сквозь смех проговорила Лилиан.

— Но ваш отец ценит его, — сказал Уэстклиф.

— Как только мистер Свифт начнет соперничать с ним и цепляться к каждому слову, это пройдет, — усмехнулась Лириан.

Обдумывая слова жены, граф зачерпнул новую порцию лимонного сока и поднес к губам Лириан. Она замурлыкала от удовольствия, когда холодный напиток растекся по горлу.

— Значит, ваш отец не прав, утверждая, что мистер Свифт умен? — спросил Уэстклиф у Дейзи.

— Он умный, — призналась она, — но с ним невозможно разговаривать. Он задает тысячу вопросов, выпитывает все, что говорит собеседник, и ничего не дает взамен.

— Может быть, Свифт застенчивый? — предположил Уэстклиф.

Дейзи фыркнула от смеха.

— Уверяю вас, милорд, он не застенчивый. Он... — Дейзи замолчала, сообразив, что ей трудно облечь свои мысли в слова.

Врожденная холодность Мэтью Свифта дополнялась невыносимым высокомерием. Ему никто не мог сказать ничего нового: он знал все. Поскольку Дейзи выросла в семье, члены которой были известны своей бескомпромиссностью, она не видела проку в том, чтобы в ее жизни появился еще один упрямый спорщик.

По мнению Дейзи, то, что Свифт так сошелся с их семьей, говорило не в его пользу.

Будь в нем хоть что-то приятное и привлекательное, это сделало бы его более приемлемым кандидатом в женихи. Но ни в его характере, ни во внешности не было намека на привлекательность: ни чувства юмора,

ни внешнего проявления доброты. Свифт был создан критиковать и разрушать: высокий, непропорциональный, такой жилистый, что руки и ноги казались жердями. Дейзи вспомнила, как сюртук свисал с его широких плеч, словно с вешалки.

— Чем перечислять, за что я его не люблю, — наконец нашлась Дейзи, — проще сказать, что у меня нет причин любить его.

— Его даже симпатичным не назовешь, — добавила Лилиан. — Кожа да кости. — Она похлопала мужа по мускулистой груди, без слов похвалив его фигуру.

— Неужели в нем ничто не подкупает? — удивился Уэстклиф.

Обе сестры задумались.

— У него красивые зубы, — наконец неохотно призналась Дейзи.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лилиан. — Он никогда не улыбается!

— Ваши суждения о нем очень суровы, — вставил Уэстклиф. — К тому же мистер Свифт мог измениться с тех пор, как вы видели его в последний раз.

— Не настолько, чтобы я согласилась выйти за него замуж.

— Ты не должна выходить за него, если не хочешь, — горячо сказала Лилиан, повернувшись в объятиях мужа. — Разве не так, Уэстклиф?

— Да, любимая, — пробормотал он, отводя от ее лица упавшие пряди.

— И ты не позволишь папе увезти от меня Дейзи, — настаивала Лилиан.

— Конечно, нет. Всегда можно что-нибудь придумать.

Лилиан стихла, абсолютно уверенная в способности мужа решить все проблемы.

— Тогда беспокоиться не о чем, — пробормотала она. — Уэстклиф все... — Лилиан широко зевнула, — ...устроит.

Увидев, как опустились веки сестры, Дейзи сочувственно улыбнулась. Встретившись взглядом с графом, она жестом показала, что уходит. Граф вежливо кивнул, его внимание было приковано к лицу затихшей жены. Лилиан была для него настоящим сокровищем. Дейзи не могла отделаться от вопроса, посмотрит ли так на нее когда-нибудь мужчина.

Она была убеждена, что Уэстклиф попытается ей помочь хотя бы ради Лилиан. Но, зная несгибаемую волю отца, Дейзи не слишком верила в успех графа.

Конечно, она всеми силами будет сопротивляться нежеланному браку, но на душе скребли кошки от дурного предчувствия, что шансы сложатся не в ее пользу.

Остановившись на пороге, Дейзи хмуро оглянулась на парочку на диване. Лилиан быстро уснула, ее голова тяжело упала на грудь мужа. Поймав несчастный взгляд Дейзи, граф поднял брови в молчаливом вопросе.

— Мой отец... — начала Дейзи и закусила губу.

Уэстклиф — деловой партнер отца, не подобает приходить к нему с жалобами. Но граф терпеливо ждал, и Дейзи продолжила:

— Он назвал меня паразитом, — сказала она, понизив голос, чтобы не беспокоить Лилиан. — И попросил объяснить, какая миру польза от моего существования и что я сделала для других.

— И что вы ответили? — спросил Уэстклиф.

— Я не знала, что сказать.

Уэстклиф жестом поманил Дейзи на диван. Она подчинилась. К ее изумлению, граф тепло пожал ее руку. Обычно сдержанный, Уэстклиф ничего подобного прежде не делал.

— Дейзи, — мягко сказал он, — жизнь большинства не отличается выдающимися событиями. Люди довольствуются малым. Всякий раз, когда вы делаете кому-нибудь добро, когда благодаря вам на лице другого человека появляется улыбка, это придает вашей жизни смысл. Не сомневайтесь в своих достоинствах, дружок. Без Дейзи Боумен мир был бы унылым местом.

Вряд ли кто-то стал бы спорить, что Стоуни-Кросс-Парк — одно из красивейших мест в Англии. В имении были и густые леса, и усыпанные яркими цветами луга, и болота. Крепкий каменный особняк медового цвета возвышался на обрывистом берегу реки Итчен.

Стояла весна, повсюду просыпалась и расцветала жизнь. Бледные ростки пробивались сквозь ковер прошлогодних листьев под вековыми дубами. В лесной чашобе цвели пролески.

Первые кузнечики прыгали с пестрых примул на желтые глазки мать-и-мачехи, прозрачные синие стрекозы кружились над изящными лепестками белых болотных цветов. В воздухе пахло пробудившейся землей и молодой травой.

После двенадцатичасовой поездки, которую Лилиан описала как путешествие через ад, Уэстклифы, Боумены и избранные гости наконец добрались в каретах до Стоуни-Кросс-Парка.